

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)6
К38

Киркпатрик, Лаймен.
К38 Ближний бой. ЦРУ против СССР : [перевод с английского] / Лаймен Киркпатрик. — Москва : Родина, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-00222-636-8

Наблюдая сегодня за новым витком противоборства сверхдержав, мы все чаще обращаемся к опыту холодной войны — противостоянию военных машин, экономик, дипломатов и, конечно же, секретных служб СССР и США. Уже опубликовано множество воспоминаний участников этой незримой схватки, но большинство из них написаны авторами с нашей стороны.

Автор данной книги, Лайман Б. Киркпатрик-мл. (1916—1995), — офицер американской разведки, профессор политологии и писатель, занимал посты генерального инспектора и исполнительного директора ЦРУ (1962—1965). Именно ему администрация президента Джона Кеннеди поручила восстановить репутацию ЦРУ, пошатнувшуюся после потери в небе над Свердловском самолета-шпиона U-2 и позорного провала операции по свержению правительства Фиделя Кастро в заливе Кочинос.

Ветеран американских спецслужб рассказывает о своей карьере, начавшейся еще в годы Второй мировой на территории Западной Европы в борьбе против знаменитого немецкого диверсанта Отто Скорцени. В то время СССР и США были союзниками, и лишь 8 мая 1945 года молодой американский разведчик впервые задумался: «Настало время ударить по русским»...

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)6

ISBN 978-5-00222-636-8

© Киркпатрик Л., 2024
© ООО «Издательство Родина», 2024

Глава 1

ПОДГОТОВКА К РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ КАРЬЕРЕ

Когда я ушел в отставку со своего поста в Центральном разведывательном управлении, завершив тем самым почти 23-летнюю службу в разведке, я меньше всего думал о том, чтобы написать книгу с ЦРУ или разведывательной системе США.

Но ведь я вел замкнутый образ жизни более чем два десятилетия и не представлял себе, как мало известно о ЦРУ и существующей в Америке системе консультирования вырабатывающих политику деятелей по вопросу о том, что угрожает национальной безопасности страны. Точно так же я не представлял себе всей глубины подозрительности, если не враждебности, по отношению к ЦРУ, существующей в определенных слоях нашего общества, особенно в академических кругах. Я знал, что некоторая часть американской прессы настроена враждебно к ЦРУ, однако неправильно объяснял такое положение естественной ее неприязнью ко всему тайному.

Во время службы в ЦРУ мне приходилось вступать в контакт с американской общественностью преимущественно тогда, когда возникала потребность подобрать кадры, и мне казалось, что по отношению к нам проявляется не только понимание, но нам даже симпатизируют. Многие годы ЦРУ всегда удавалось привлекать к себе на службу выдающихся людей, и я расценивал этот факт, пожалуй, как свидетельство того, что американский народ в целом понимает, что такое ЦРУ и чем оно занимается. После того как я ушел с государственной службы, я понял, что успех ЦРУ в области

привлечения кадров отражает заинтересованность молодежи попасть на государственную службу, а не свидетельствует о подлинном понимании роли ЦРУ.

ЦРУ, Белый дом, конгресс — все эти организации несут ответственность за отсутствие точной информации относительно ЦРУ и разведывательной системы Соединенных Штатов. Не один десяток лет ЦРУ проявляло близорукость в вопросе о том, как его воспринимает общественность, предполагая как само собой разумеющееся, что американцы положительно воспримут его исключительно по той причине, что оно было создано конгрессом, подчиняется непосредственно президенту, а два его высших руководителя — директор и заместитель директора (из состава руководителей ЦРУ только они назначаются президентом с санкции сената) — выдающиеся деятели, известные всей стране. Но вопреки мнению ЦРУ даже эти основные факты о нем знали немногие.

Неприятное отношение ЦРУ к рекламе инстинктивно, оно присуще любой разведывательной организации, которая должна воспитывать своих сотрудников в духе строжайшего сокрытия своей личности и способности хранить тайну. Такая концепция заключает в себе важный смысл, поскольку само понятие разведки органически связано с попытками получить такие сведения, которые другая сторона не желает предавать гласности. Если другая сторона узнает, что мы проникли в ее секреты — будь то военные планы, дипломатические инструкции или новое оружие, — она неизбежно предпримет ответные меры: планы, инструкции могут быть изменены, роль, отводимая новому оружию, — пересмотрена, поскольку утрачивается фактор внезапности его применения. Такие действия будут означать, что работу по добыванию разведывательной информации с нашей стороны придется повторить. Противная сторона будет упорно стремиться определить, каким образом мы получили разведывательную информацию, с тем чтобы принять контрмеры против повторения этого в будущем. Попросту говоря, имен-

Л.Киркпатрик

но поэтому ЦРУ считает вредным просачивание о нем каких бы то ни было сведений. В результате основная масса сведений, известных народу относительно ЦРУ, является искаженной информацией.

Президент также несет ответственность за такое положение, поскольку он имеет возможность внушить общественности доверие к ЦРУ или восстановить это доверие, когда оно пошатнулось в связи с обнародованием фактов о провалах ЦРУ или враждебными нападками на него. Президент Кеннеди дважды был вынужден поступать таким образом: в связи с событиями в заливе Кочинос, когда он заявил, что все должны делить ответственность за инцидент, и в связи со свержением режима Дьема во Вьетнаме, когда ЦРУ подвергалось нападкам в прессе. На одной из своих пресс-конференций, передававшихся по телевидению, он выразил уверенность, что в ЦРУ царит твердая дисциплина и контроль.

Конгресс может в значительной мере способствовать укреплению доверия к ЦРУ, но, к сожалению, внутренние

разногласия в конгрессе о том, каким образом контролировать работу этого органа, привели к прямо противоположным результатам. Каждый раз, когда комиссия по иностранным делам сената пыталась обеспечить себе определенные права по контролю за деятельностью Управления, у общественности складывалось впечатление о том, что ЦРУ, очевидно, что-то делает неправильно и что со стороны конгресса осуществляется недостаточный контроль за деятельностью Управления. Я всегда считал, что те комиссии конгресса, которые контролируют деятельность ЦРУ — объединенные подкомиссии по ассигнованиям и по вооруженным силам в сенате и соответствующие подкомиссии тех же комиссий в палате представителей, — должны представлять каждой сессии конгресса (а следовательно, и общественности) доклад о результатах рассмотрения деятельности Управления. Это может быть сделано без всякой угрозы для наших секретов, и фактически это было сделано группой Кларка для второй комиссии Гувера в 1956 году.

Не сообщая сведений относительно ЦРУ, наше правительство игнорирует ряд важных элементов, характерных для нашего общества.

Американский народ глубоко озабочен положением, когда слишком большая власть концентрируется в какой-либо сфере нашего общества. Опасения такого рода еще более возрастают, когда власть концентрируется в правительственной сфере и особенно когда эта сфера опутана покровом секретности. Чувства эти унаследованы от колониального периода истории нашей страны, от эмигрантов, которые волна за волной стекались в Америку из Европы, чтобы избавиться от гнета сначала монархической, а потом диктаторской власти — фашистской и коммунистической. Не секретность, как таковая, беспокоит население. Оно согласится с ней как с чем-то необходимым для национальной безопасности. Точно так же население не беспокоит разведывательная деятельность, которую она признает в качестве необходимой

функции государства в период международной напряженности и борьбы. Население беспокоит тайная власть и возможности злоупотребления ею.

Беспокойство относительно государственной власти и секретности сочетается в современной обстановке с беспокойством относительно ЦРУ. Его провалы привлекли серьезное внимание. Когда самолет U-2 был сбит над Россией 1 мая 1960 года, беспокойство вызвал в основном сам явно враждебный акт вторжения в воздушное пространство Советского Союза. Зато об информации, полученной с помощью самолета, или о том, что Советский Союз тоже мог организовать полеты над территорией США, если бы располагал самолетами с такими же техническими данными, как он делает это в настоящее время с помощью спутников, оснащенных фотоаппаратурой, почти не говорилось. События в заливе Кочинос привлекли большое внимание, ибо также представляли собой операцию ЦРУ, при этом внимание не обращалось на тот факт, что операция эта была одобрена правительством.

Коммунистический аппарат психологической войны не упускает случая, чтобы использовать в своих интересах любые ставшие известными факты о разведывательной деятельности Америки. Такие факты в наихудшем для нас свете неизменно распространяются по всему миру. Не довольствуясь только фактами, коммунисты специализируются на фабрикациях различного рода фальшивок, рассчитанных на дискредитацию органов разведки и безопасности США. Они обнаружили внимательную аудиторию в нашей стране и еще более внимательную аудиторию в нейтральных районах мира¹.

Характерные черты Джеймса Бонда с его приключениями в духе рыцарей плаща и кинжала, бешеные гонки на ав-

¹ В общем — действовали примерно так же, как сами американцы действовали в отношении советских тайных операций.

томобилях, управляемых решительными женщинами, — все это не содействует созданию положительного образа ЦРУ. Большинство людей в настоящее время представляет себе разведку как деятельность, целиком сводящуюся к шпионажу и подрывным операциям, и не может понять, что в основе разведки лежит самый кропотливый сбор информации.

Центральное разведывательное управление испытывает трудности, сочетая в своей деятельности разведку и операции, подрывные действия и информационную работу. Преимущества объединения этих функций в одной центральной организации оказались ослабленными, если не вовсе ликвидированными, в связи с тем, что в сознании общественности упор делался и делается на тайные операции ЦРУ, а правительство не сумело подготовить перспективный план деятельности этой организации во всех направлениях.

Хотя разведка является одной из старейших профессий на земле, и даже в Ветхом завете говорится о том, что агентов посылали разведать землю обетованную, США использовали разведку недостаточно эффективно. Лишь после создания ЦРУ в 1947 году у нас появилась общегосударственная служба, ведавшая внешней разведкой и расширением ее сети во всемирном масштабе.

Корреспондентские комитеты, существовавшие в американских колониях, можно со всем основанием назвать одними из первых разведывательных организаций. Колонисты занимались сбором информации, готовясь к революционной войне против Англии. Как командующий Континентальной армией, Джордж Вашингтон прекрасно понимал важность разведки и лично писал инструкции агентам о том, какая информация об английских войсках ему нужна.

Во время гражданской войны обе стороны зачастую не располагали разведывательной информацией или получали ошибочные сведения. Лишь в конце войны была создана разведывательная служба. Аллан Пинкертон, который в 1851 году создал детективное агентство, действовавшее

в общегосударственном масштабе, почти всегда в своих оценках вдвое завышал численность войск армии конфедерации, стоявшей перед Ричмондом. В сражении при Геттисберге обе стороны имели неправильные разведывательные данные. «Глаза» генерала Ли — его кавалерия во главе с Джебом Стюартом совершала рейды по случайным маршрутам, вместо того чтобы добывать информацию о союзных войсках.

Во время первой мировой войны разведка США зависела в большой степени от информации, передаваемой нашими английскими и французскими союзниками. А после войны, в нормальной обстановке изоляционизма и благодушия 20-х годов, государственный секретарь Генри Стимсон даже ликвидировал криптографическое подразделение в своем ведомстве — подразделение, занимавшееся раскрытием кодов и шифров, произнеся при этом ставшие классическими слова: «Джентльмены не читают чужих писем!»

В начале второй мировой войны США занимались разведкой в весьма скромных масштабах, и всю разведывательную машину военного времени пришлось создавать, по существу, на голом месте. Даже в ходе этой войны, когда генерал Донован предложил создать службу внешней разведки для мирного времени, нашлись люди, которые сомневались в необходимости заниматься подобной деятельностью.

Лишь начиная с 1947 года в Соединенных Штатах Америки появилась действительно общенациональная разведывательная система. Такая система необходима любой мировой державе. Если бы она не существовала, провалы и неудачи действий Америки во всем мире умножились бы во много раз.

До тех пор пока национальная разведывательная система верна своему долгу и наилучшим образом справляется с возложенными на нее обязанностями, она заслуживает доверия и поддержки со стороны американского народа и всех народов мира, желающих быть свободными.

Настоящая книга написана с целью рассказать историю организации разведывательной системы. Историю эту необходимо рассказать и можно рассказать, не раскрывая каких-либо секретов и не выдавая какой-либо информации врагам нашей страны. Это будет также рассказ о моей карьере в разведке во время войны и в мирное время. Взяв за основу автобиографический подход к написанию книги, я надеюсь дать понятное объяснение тому, почему я считаю организацию самой лучшей в мире разведывательной службы необходимым фактором для создания условий, которые приведут к ликвидации всех и всяких разведывательных служб.

Мое приобщение к миру разведки было совершенно не запланировано. Вскоре после окончания Принстонского университета в июне 1938 года я устроился на работу к Дэвиду Лоуренсу в Вашингтоне и занимался составлением материалов и редактированием для одной из его организаций — Бюро национальных проблем, которое выпускало деловые издания, такие, как «Ю.С. Лоу Уик», «Лейбор Релейшнс Репортер», «Ю.С. Патентс Куотерли». Одним из редакторов был Честер Уорд, являвшийся сотрудником Джорджтаунской школы права. Он занимался анализом и подготавливал комментарии по вопросам трудового права для Бюро национальных проблем. Ранее Уорд был военно-морским летчиком и сохранил звание, находясь в резерве. После начала войны в Европе в сентябре 1939 года он часто говорил о ходе войны и соглашался с мнением, что США неизбежно должны вступить в нее. Он настаивал на том, чтобы я ходатайствовал о принятии меня на службу в воздушную разведку военно-морских сил.

В мае 1940 года я отправился к старому зданию военно-морского арсенала на Анакостиа-Ривер, где в то время помещался их пункт по набору, и подал заявление. Провалился я в результате проверки зрения на цвет. Мне показывали целую серию страниц, покрытых точками различного цвета.

В центре каждой страницы точки определенного цвета образовывали цифру. Испытание было рассчитано на проверку восприятия цвета. На каждой последующей странице оттенков точек, образующих цифру, все больше и больше приближался к оттенку точек, составлявших фон. Я дошел только до третьей страницы, а дальше видел только точки. Заключение гласило: дальтонизм, не различает красного и зеленого цветов. Несколько дней спустя пришло официальное извещение из министерства военно-морского флота, в котором сообщалось, что моя просьба отклонена по соображениям состояния здоровья. Мое разочарование не уменьшилось от сознания того, что это испытание было придумано японцами.

Вскоре после этого по рекомендации одного друга я посетил «здание-острие» — первое правительственное здание на Конститьюшен-авеню, названное так потому, что оно находится в точке, где сходятся эта улица и Пенсильвания-авеню, и по форме напоминает наконечник стрелы. В то время здесь находилась в числе прочих учреждений, таких, например, как Федеральная торговая комиссия, одна военная организация под названием Управление координатора информации (УКИ). Возглавлял УКИ полковник Уильям Дж. Донован, совладелец нью-йоркской адвокатской конторы «Донован, Лейжур, Ньютон и Ломбард». Донован был награжден всеми боевыми наградами, какие только существовали в американской армии во время первой мировой войны, включая «Орден Почета», присуждаемый конгрессом. Это было примерно все, что я знал о нем, — и того меньше я знал о его организации. Мне было известно лишь, что одним из основных его помощников является писатель и драматург Роберт Шервуд.

Я имел короткую беседу с полковником Донованом и, конечно, после этой беседы знал о нем и его организации не более, чем раньше. Беседа свелась почти целиком к тому, что он задавал вопросы о моем прошлом, о том, чем я занимаюсь и чем интересуюсь. Однако задававший во-

просы полковник произвел на меня впечатление. Donovan был интересный, крепкого сложения человек с холодными голубыми глазами, которые смотрели во время разговора прямо на вас. Он явно знал, чего хочет и как он хочет достичь своей цели.

Вскоре после беседы с Donovanом, в воскресенье днем я сидел в своем кабинете и готовил обзор каких-то книг. По привычке я слушал по радио концерт нью-йоркской филармонии. И вот прозвучало одно из самых драматических и страшных объявлений XX века: «Мы прерываем передачу, чтобы сообщить специальный бюллетень последних известий. Перл-Харбор подвергся нападению японской авиации».

Страна оказалась в состоянии войны, и я еще более решительно стал добиваться поступления на службу в какую-либо организацию вооруженных сил. Однако до марта 1942 года все мои попытки кончались безрезультатно. Мне позвонил Дэвид Брюс, с которым я незадолго до этого встретился, когда он представлял американский Красный крест и привез нашей семье новости от моей сестры, находившейся в то время в Лондоне. Мистер Брюс позвонил и спросил, не зайду ли я к нему в здание «Q». Это здание было одним из тех щитовых деревянных временных строений, которые возникали повсюду в районе Молл и на свободных участках в центре Вашингтона. Прибыв на место, я обнаружил, что вход в здание преграждает охранник в форме. Он направил меня в находившуюся поблизости приемную, где секретарша предложила мне сообщить о цели визита и заполнить анкету посетителей с указанием фамилии, адреса и рода занятий. Проставив штемпелем время на моей анкете, она предложила мне присесть и позвонила в офис мистера Брюса. Затем она вежливо сообщила, что вскоре за мной придут, чтобы сопроводить. Еще большее впечатление на меня произвела эта же процедура, повторившаяся при уходе.

Беседа с Дэвидом Брюсом была совсем короткой, и, условно, из нее я узнал не больше, чем из беседы с Доно-

ваном. Он спросил, что я намереваюсь делать, и я ответил, что очень хочу поступить на службу в одну из организаций вооруженных сил. Он спросил, соглашусь ли я отправиться за границу, и я ответил утвердительно. Затем он сказал, что не может сообщить мне, чем я буду заниматься, но если я желаю работать в УКИ, он распорядится провести проверку меня органами безопасности. Я согласился. Мы попрощались, и меня сопроводили назад, до входной двери.

В течение следующих нескольких недель ничего нового не произошло. Затем в один прекрасный день ко мне явился сотрудник Комиссии по делам гражданской службы. Он махнул у меня перед глазами своим удостоверением, и я успел заметить наименование комиссии и официальную печать в верхней половине документа, а в нижней его части фотографию какого-то человека и внушительную подпись. Одним движением он сложил свое удостоверение и спрятал его в карман. Фотография могла быть его, а могла быть и Адольфа Гитлера, но я в то время был еще слишком наивен и не понимал, что должен был взять удостоверение в руки, чтобы убедиться возможно точнее, что он тот человек, за которого себя выдает. Речь, конечно, не идет о том, что рядовой человек может определить подлинность правительственного удостоверения, однако общее знакомство с правительственными печатями и здравый смысл могут помочь. Единственный надежный способ заключается в том, чтобы позвонить в соответствующий департамент или ведомство и удостовериться, что у них есть сотрудник с такой фамилией и что у него есть причины встретиться с вами. Разумные люди только так и поступают.

Пришедший ко мне посетитель сказал, что он хочет поговорить со мной относительно мистера Лаймена Киркпатрика. Я был совершенно поражен и никак не мог понять, зачем представитель Комиссии по делам гражданской службы пришел ко мне, чтобы говорить обо мне. Однако я подумал, что это, вероятно, новый метод расследования, хотя в то вре-

мя я мало что знал вообще о методах расследования. Первый вопрос был совершенно поразителен: «Изменилось ли его отношение к войне с тех пор, как в ней стала участвовать Россия?» На этот вопрос я дал быстрый и категорический ответ: «Нет». Но затем последовал второй вопрос: «А теперь, мистер Стюарт, скажите, как давно вы знаете мистера Киркпатрика?»

«Я и есть Киркпатрик», — ответил я, а пальцем указал через плечо: «Стюарт сидит в следующем кабинете». Мой посетитель ушел в некотором смущении. Этот исследователь должен был извлечь урок из происшедшего. Поскольку на дверях кабинета наши фамилии не стояли, он должен был убедиться, с кем разговаривает.

Очередной звонок из правительственного учреждения был также интересным. Человек, звонивший мне, отрекомендовался как «капитан Берри из секретариата министра военно-морских сил» и сообщил, что мистер Нокс (военно-морской министр) хочет встретиться со мной. Я был совершенно поражен. Я пробормотал что-то невразумительное о своем дальтонизме, обнаруженном при испытании в военно-морских силах, и о том, что был отвергнут. Однако все это, казалось, не интересовало министра. Хотя мой друг Честер Уорд был опечален тем, что меня не приняли, вряд ли можно было предположить, что участие капитана третьего ранга в резерве могло вызвать участие ко мне Олимпа.

Явившись в назначенное время к капитану Берри, я спросил о причине моего вызова сюда, и он признался, что ему ничего не известно. Поэтому я так ничего толком и не знал, когда садился в кресло перед достопочтенным Френком Ноксом.

«Мне известно, что вы подавали заявление о приеме вас на службу в военно-морской флот и что вас отвергли», — сказал он.

«Да, сэр».

«Что вы хотите делать во флоте?»

Я пояснил, что интересуюсь воздушной военно-морской разведкой и что этот интерес возник у меня под влиянием знакомства с капитаном Уордом.

«Хотите ли вы быть зачислены во флот завтра младшим лейтенантом?» — спросил Нокс.

«Нет, сэр, — ответил я, — боюсь, что я не могу принять этого предложения. Дело в том, что я связал себя обещанием пойти работать в Управление координатора информации, после того как пройду проверку. И считаю, что должен сдержать обещание».

«Где вы будете служить?» — спросил министр.

«Я не знаю».

«Чем вы будете заниматься?» — поинтересовался он.

«Этого я также не знаю».

«Будете ли вы служить в одном из родов вооруженных сил?»

«Я и этого не знаю, сэр».

К тому времени министр Нокс решил, что я слишком туп для флота, но не оставлял своих усилий.

«Послушайте, молодой человек, — сказал он, — я хорошо знаю Билла Донована и считаю его своим большим другом. Но не идите в это сумасшедшее учреждение».

Единственное, что я мог ответить: «Благодарю вас, сэр, но я дал обещание».

Прощаясь, мистер Нокс сказал: «Если вы измените свое решение, сообщите мне».

Позже я узнал, что это лестное для меня и незаслуженное внимание объяснялось тем, что моя сестра в разговоре со своим боссом в Лондоне Биллом Стоунмэном, возглавлявшим отдел в «Чикаго Дэйли Ньюс», упомянула о моих попытках попасть на службу во флот. Для Стоунмэна на протяжении его большой и выдающейся карьеры в качестве иностранного корреспондента всегда было характерно, что с любым вопросом он шел прямо наверх, туда, где делаются дела, и вот он написал министру военно-морских сил обо мне.

Вскоре после этого мне позвонили из УКИ. Они сообщали, что я прошел проверку и должен явиться «для оформления».

К тому времени я находился в Вашингтоне уже почти четыре года, но мне приходилось вступать в контакт с правительственными ведомствами лишь когда я писал корреспонденции по правовым или административным вопросам. У меня были некоторые дела с Национальным комитетом регулирования взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, а также с отделом учета заработной платы и рабочего времени и с посреднической службой министерства труда. Однако, бросая взгляд в прошлое, должен признаться, что теперь я понимаю, насколько мало я знал о том, как в действительности функционирует правительственное ведомство или учреждение. Таким образом, когда я занял свой пост в Управлении координатора информации — это было для меня как вступление в новый мир.

Глава 2

УПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СЛУЖБ

Управление координатора информации было детищем Уильяма Дж. Донована, отстаивавшего свое глубокое убеждение в том, что США должны мобилизовать и организовать свои возможности для ведения иррегулярной (тайной) войны во всемирном масштабе с той же интенсивностью, с какой они вели обычную войну. До нападения японцев на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года Донован дважды направлялся президентом Рузвельтом в Европу и из каждой поездки возвращался с важной разведывательной информацией.

После падения Франции в мае 1940 года большинству «экспертов» в Вашингтоне Германия казалась несокрушимой. Я хорошо помню, какое крайнее раздражение вызывали у меня люди, считавшие, что Англия не сможет противостоять немцам. Это, конечно, было до того, как Гитлер напал на Россию. Президент также слышал подобные разговоры о мощи Германии и слабости англичан, поэтому он и попросил своего друга из Нью-Йорка отправиться в Англию и сообщить ему собственную точку зрения на этот счет. Донован отправился в поездку и, вернувшись, сообщил Рузвельту, что, по его мнению, Англия может и будет драться с немцами. Последующие события доказали правоту его мнения: «Люфтваффе» Геринга не смогли в ходе битвы за Англию сломить сопротивление королевских военно-воздушных сил, а Гитлер отменил операцию «Морской лев» — план вторжения в Англию — и двинулся в восточном направлении.

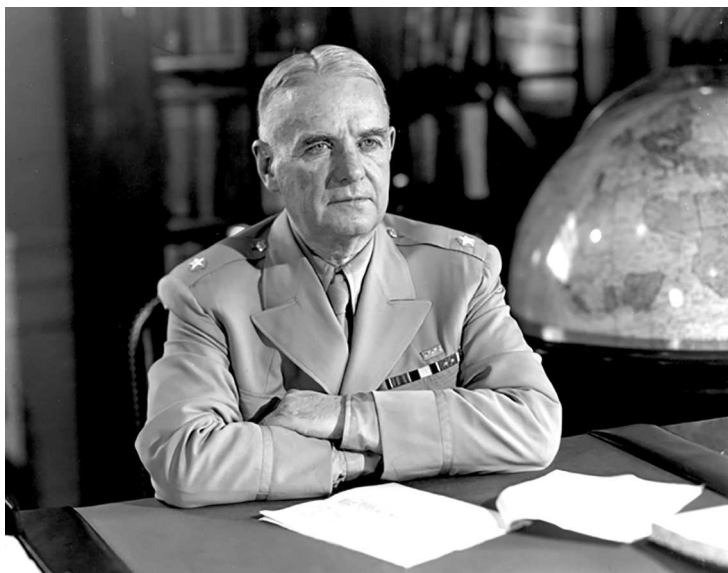
Во время второй поездки Донован побывал в районе Средиземноморья и на Балканах. Он вернулся из этой поездки, располагая значительной ценной информацией, в том

числе сведениями о том, что немцы намереваются двинуться в Северную Африку. Но еще большее значение для будущего страны и исхода войны имело его убеждение в том, что Соединенные Штаты Америки должны немедленно организовать иррегулярную войну и проводить операции во всемирном масштабе, причем для достижения максимальных результатов эта деятельность должна быть отделена от регулярных вооруженных сил. К области иррегулярной войны Донован относил все аспекты разведывательной деятельности — шпионаж и контршпионаж, действия, которые тогда назывались психологической войной, включая пропаганду и использование средств массовой информации, оказание поддержки партизанским группам, действующим в тылу противника.

Помимо того, что он был чрезвычайно мужественным военным, Донован обладал также исключительным умением убеждать. Ему удалось убедить президента Рузвельта в том, что новая разведывательная организация должна быть создана, и он получил санкцию разработать детали совместно с министром юстиции Робертом Джексонем, государственным секретарем Корделлом Хэллом и военным министром Генри Стимсоном. В результате на свет появилось Управление координатора информации, которое к весне 1942 года уже настолько расширилось, что испытывало муки роста.

В области разведки новая организация начала добиваться некоторых успехов, несмотря на резкую враждебность со стороны таких людей, как, например, генерал-майор Джордж Стронг, шеф армейской разведки, который не верил в эту новую организацию и приступил к созданию собственной конкурирующей разведывательной секретной службы. Не испугавшись противодействия Пентагона, Донован шел вперед, расширяя свою организацию.

Юридическая подготовка и огромный опыт в области международных отношений подсказывали Доновану необходимость скорейшего проведения широкой исследователь-

«Дикий Билл» Donovan

ской работы по ключевым районам мира, которым предстояло стать ареной военных действий. В результате одним из первых был создан отдел исследований и анализа. На службу в этот отдел Donovanу удалось привлечь кое-кого из крупнейших ученых, бизнесменов, специализировавшихся ранее в области международной торговли, и исследователей, готовых часами вести кропотливую работу, подготавливая справочные материалы энциклопедического характера.

Donovan быстро понял, сколь необъятные сведения об отдельных районах мира таятся в умах многочисленных выходцев из других стран, проживающих в Соединенных Штатах Америки. Для использования этого источника информации он создал отдел лиц иностранного происхождения.

Труднее было начать чисто практическую работу. Соединенные Штаты Америки не обладали (или почти не обладали) опытом в области получения разведывательной информации тайными методами, что обычно называется шпионажем. Еще меньший опыт они имели в сфере контрразведыв-

вательной работы за границей или в области борьбы против враждебных иностранных разведок во всем мире. Федеральное бюро расследований в то время, так же как и сегодня, занималось раскрытием шпионских организаций на территории США; кроме того, оно создало подразделение для сбора разведывательной информации в странах Латинской Америки. Но другими районами мира почти никто не интересовался. Что касается оказания помощи партизанской войне на территории, оккупированной противником, то в этом отношении был налицо лишь колоссальный энтузиазм, а настоящим знанием положения дел обладали другие — беженцы и опытные революционеры. Даже англичанам пришлось испытать серьезные трудности при организации операций подобного рода во время второй мировой войны.

Наконец, широкая, почти безграничная сфера психологической войны. Это также была весьма сложная и противоречивая область деятельности. Англичане первыми занялись ею всерьез, создав министерство информации. Было совершенно ясно, что в ведении психологической войны необходимо будет идти по нескольким направлениям: всему миру и прежде всего противнику рассказать об «арсенале демократии», а также сообщить о твердом намерении Америки вести борьбу; действующим войскам сообщать новости из своей страны; народ внутри страны информировать о сражениях и ходе войны. Все это вполне можно отнести к сфере открытой и честной деятельности. Однако имелась широкая новая сфера деятельности, носившая различные наименования: от «черной» пропаганды до обмана. Здесь речь шла об использовании любых средств информации, чтобы обмануть противника либо внести замешательство в его ряды.

К июню 1942 года Donovanу и его главным советникам стало ясно, что Управление координатора информации объединяет в своих руках несовместимые виды деятельности и что наши военные усилия выигрывают, если эта организация будет разделена. Эта задача была решена путем передачи

всех обязанностей по ведению открытой деятельности с использованием средств массовой информации вновь созданной организации, которая получила название Управление военной информации (УВИ). Ведение разведки было сосредоточено в руках Управления стратегических служб (УСС). Последнее было непосредственно подчинено Объединенному комитету начальников штабов.

Я едва успел завершить формальности, связанные с вступлением в должность в УКИ, как этот орган уже не существовал, и я оказался на посту ночного дежурного в телеграфной комнате Управления военной информации. Не к этой работе я стремился, и после моего обращения за разъяснениями в офис мистера Брюса мне ответили, что произошла какая-то ошибка по вине администрации в связи с тем, что в моих документах указывалось, что я работал в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс». Меня заверили, что ошибка в скором времени будет исправлена. Поэтому я энергично взялся за дело, чтобы выяснить, на что я способен в Управлении военной информации. В скором времени я уже составлял обзоры новостей, писал статьи, памфлеты и другие материалы, которые УВИ должно было выпускать в большом количестве. В этой организации трудилось внушительное общество журналистов, собранных Робертом Шервудом и его помощниками, в том числе Дик Холландер из «Вашингтон дейли ньюс», Боб Бишоп из «Чикаго сан таймс» и Генри Пэйнтнер из «Киплингера». Но были люди и другого сорта, вроде одного корреспондента, который как-то вечером зашел и спросил: «Послушай, парень, что это за «низкие страны», о которых все время говорят?» Он, кажется, разочаровался, узнав, что это понятие лишь отражало специфику геологического строения территории Голландии и Бельгии. Вероятно, он ожидал, что здесь речь идет о разоблачении какой-нибудь международной мафии.

Офис Дэвида Брюса сдержал свое обещание, и к августу соответствующим приказом я был назначен на службу в УСС,